

Валерий Липский: «Я здесь поставлен на то, чтобы чиновники не воровали»

Интервью главы Следкома по РТ о личном и итогах первого года службы в Татарстане. Часть I-я

Об отжиманиях экс-главы Ростехнадзора Поволжья в изоляторе временного содержания, байстве в Башкирии и налоговых рекордах в Татарстане рассказал в первой части интервью «Реальному времени» руководитель Следственного управления СКР по РТ Валерий Липский. Накануне квартальной коллегии ведомства он поделился и деталями самого сложного дела в своей практике следователя: «Были опасения, что деньги могут мне подбросить».

Степущенко личный прием не помог

— Валерий Андреевич, в Казань вы перебрались чуть больше года назад по [президентскому указу](#). Что изменилось в вашей жизни, работе, структуре Следкома по РТ?

— Провел оргштатные мероприятия в управлении — за счет сокращения технических работников, кадрового и других подразделений увеличил штат следователей на 20 человек. Общее количество следователей в структуре управления увеличилось до 58%. Но изменились требования к работе — они стали конкретнее. Могу сказать — за прошлый год количество привлеченных к дисциплинарной ответственности сотрудников снизилось на 40%. И каждый из этих фактов — взвешенный и правовой. Но некоторые люди не приспособились к изменившимся требованиям и ушли.

Поменялся наш подход к работе с населением. Председатель Следственного комитета Александр Иванович Бастрыкин неоднократно ставил задачу — усилить взаимодействие с гражданами, не бояться встреч с ними на приеме. Моим первым распоряжением после назначения в Татарстан стал четкий перечень критериев — когда, в каких случаях необходимо принимать граждан. Даже в случае, если жалобы от них не было.

Все приемы граждан у нас идут под видео- и аудиозапись. Количество принятых проверяется. Нельзя просто взять и нарисовать цифры. При этом не было задачи добиться увеличения количества обращений — это просто игра статистики. Наоборот, с ростом количества приемов, жалоб и обращений в наш адрес все меньше.

В частности, руководителями территориальных следственных отделов за 2020 год было принято 6 795 граждан. А годом раньше — 1 483, то есть прирост составил 358%. К чему это привело? Количество обращений в следственное управление по Татарстану сократилось на 9%, а поступивших к нам из центрального аппарата — на 11%. Жалоб на наши действия, направляемых в адрес администрации президента РФ, стало меньше в 2,5 раза. И уже по первому кварталу 2021 года мы тоже фиксируем сокращение жалоб на четверть.

У нас работа такая — всегда будут жалобы и обращения, потому что в уголовном процессе две стороны — обвиняемый и потерпевший, и кто-то всегда остается недоволен нами. Пытаемся как-то вопрос уладить в правовом поле. Но проводя приемы чаще, мы новых жалобщиков не порождаем. Могу сказать — по значительной части обращений мы истину устанавливаем без возбуждения уголовных дел, разъясняем это людям, показываем. Где-то подходим к проблеме нестандартно.

— Часто обвиняемые тоже рвутся на прием. Это имеет какой-то эффект?

— Некоторых мы принимаем. Но им это в меньшей степени, чем потерпевшим, помогает. Вот

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

замглавы МЧС Степушенко ([обвиняемый](#) в злоупотреблении полномочиями и растрате по госконтрактам на 56,7 млн рублей, — *прим. ред.*) ко мне незадолго до возбуждения дела приходил на личный прием. Сказал, что он ни в чем не виноват, и за них в республике никто не заступает. Мной было озвучено — так и должно быть. Это позиция руководства республики — объективно разбираться со всякими случаями растраты и хищения бюджетных средств.

Что касается этих контрактов по системе массового оповещения населения. По техзаданию она должна быть и проводная, и по каналам сотовой связи. В смонтированных установках сотовая связь есть, а проводов не было. В случае реальных катаклизмов это чревато — выйдет из строя спутник или при наводнении затопит вышки связи — соответственно, оборудование становится бесполезным. И в компетенцию замминистра эти вопросы входили.

— А к руководителю ГУ МЧС России по РТ есть вопросы?

— На данном этапе расследования по обвинению Степушенко вопросов к руководителю Главного управления МЧС по Татарстану у нас нет. Были вопросы по предыдущему [уголовному делу](#) (с ущербом 162 млн рублей, — *прим. ред.*). Но с учетом общественного резонанса оно передано в центральный аппарат СКР. И уже там будет дана юридическая оценка его действиям.

Про социальную напряженность, налоговый рекорд и обыски в ПСО

— Как относитесь к попыткам решать конфликты по бизнесу руками силовиков? Когда проигравшие дела в арбитраже пишут заявление о преступлении...

— Население иногда не верит, но данные факты все у нас строго пресекаются. Мы разграничиваем вопросы бизнеса, где идет спор хозяйствующих субъектов, и преступные действия предпринимателя. Перед возбуждением уголовных дел материалы доследственных проверок из территориальных отделов изучаются в аппарате [управления]. Есть четкие директивы — когда, в каких случаях и что предоставляется для согласования документов о возбуждении во избежание того, чтобы не было заказных уголовных дел. Бывает ведь и наоборот, когда реальное преступление пытаются преподнести как обычный спор хозяйствующих субъектов либо конфликт интересов.

Об изменениях в подходах к работе могу сказать: в 2020 году в Татарстане резко — с 38 до 99 — увеличилось количество уголовных дел по фактам невыплаты зарплаты. В период пандемии, когда по всем субъектам задолженность по зарплате росла, в Татарстане, благодаря нашей активной позиции, она сократилась с 300 до 200 млн рублей. Причем в оставшуюся часть входят 180 млн из так называемой банкротной задолженности, когда действия руководителей юридических лиц не образуют состава преступления. В отличие от тех, что не

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

выплатили зарплату без уважительных причин.

По делам о зарплате в 2020-м возмещен ущерб и наложен арест на сумму около 100 млн рублей. И значительные суммы гражданам были выплачены предпринимателями до привлечения к уголовной ответственности. Мы гасили социальную напряженность в Татарстане. Ведь во многих организациях локдаун в пандемию восприняли так — у нас проблемы в бизнесе, и можно зарплату не платить.

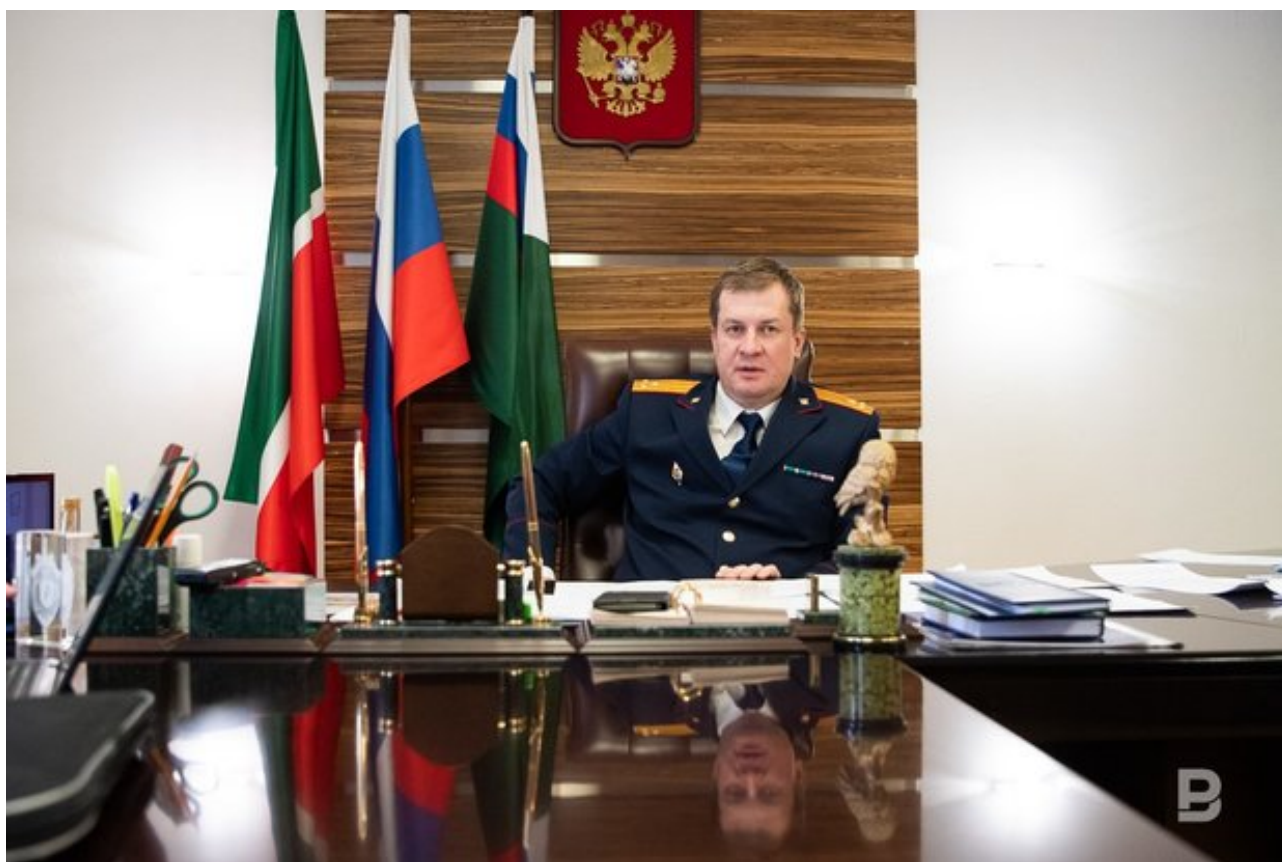

Фото: Максим Платонов

У нас работа такая — всегда будут жалобы и обращения, потому что в уголовном процессе две стороны — обвиняемый и потерпевший, и кто-то всегда остается недоволен нами. Пытаемся как-то вопрос уладить в правовом поле

Хочу сказать, все факты [обращений](#) по невыплате зарплаты мною берутся на личный контроль. И в прошлом году значительный рост возбужденных дел привел к тому, что значительно сократилась задолженность работодателей. И я бы не сказал, что здесь спор хозяйствующих субъектов. Наоборот, мы защитили права простых работников.

Также в сравнении с 2019 годом у нас был рекордный рост направленных в суд дел по налоговым преступлениям. 20 дел никогда за период существования Следственного комитета

Официальный сайт Следственный комитет Российской Федерации

в Татарстане за год не направлялось. Живыми деньгами в бюджет республики возмещено 340 млн рублей — в полтора раза больше результата 2019 года. Конечно, это слишком незначительная сумма. Арест на большую наложен.

Уже в 2021 году мы заключили соглашение по взаимодействию в этих вопросах с ФНС и МВД. В результате — только за первый квартал текущего года 501 млн рублей был возмещен в бюджет, то есть уже перекрыли итог всего 2020 года. А это бюджет республики, который позволяет платить людям зарплату и решать социальные вопросы региона.

Налоговый отдел в управлении создали еще в 2018 году. С моим приходом его штатная численность увеличилась с пяти до восьми следователей.

— Готовы комментировать [последние обыски](#) в ПСО «Казань»?

— Ходили разговоры, что эта организация неприкасаемая, но перед законом у нас все равны. Возбудили уголовное дело по неуплате налогов в ПСО «Казань», МВД выделило сотрудников полиции и способствовало проведению оперативных мероприятий. Прокуратура признала постановление о возбуждении дела законным. На сегодняшний день наложен арест на имущество организации в 1,7 млрд рублей. Будем расследовать, добиваться возмещения ущерба и привлечения виновных к уголовной ответственности.

«Петров вел себя... как настоящий мужчина»

— Как долго велась разработка в отношении экс-главы Приволжского управления Ростехнадзора Бориса Петрова? Возможны ли в его деле новые эпизоды?

— Дело [возбуждено](#) по материалам УЭБиПК МВД по Татарстану, изначально — в отношении неустановленных лиц. Петров по нему неоднократно допрашивался, собиралась доказательственная база его причастности. Были добыты доказательства получения взятки в сумме 1,4 млн рублей, и сейчас расследование находится в активной фазе.

Более подробно сейчас не могу сообщить, поскольку идет активное сопротивление расследованию. К примеру, Петров после задержания не менее восьми раз [вызывал](#) врачей скорой помощи. Жаловался на давление. Выплывывал таблетку от давления в мусорное ведро, а чтобы у него повысилось давление — отжимался в камере от пола. Это все фиксировалось. В общем, вел себя достойно, как настоящий мужчина...

Мы просили суд о реальном аресте, суд назначил [домашний](#). В комментариях к публикациям СМИ обсуждается — мол, нашли такую незначительную сумму, а человек похитил гораздо больше. Наш ответ: в стране существует презумпция невиновности. По факту, который мы считаем доказанным, ему и предъявили обвинение. Остальные факты проверяются. Им будет дана оценка в ходе предварительного следствия. Квалификацию и количество преступных

деяний определим в дальнейшем.

Фото: Ринат Назметдинов

По факту, который мы считаем доказанным, Петрову (на фото) и предъявили обвинение. Остальные факты проверяются. Им будет дана оценка в ходе предварительного следствия

— Сколько дел возбуждено лично вами за 12 месяцев? Это много или мало?

— Лично мной возбуждено 64 дела в отношении 55 лиц. Показатель 2019 года превышен. Речь идет как раз о спецсубъектах — адвокатах, главах, депутатах, следователях, прокурорах. Материалы по причастности судей тоже собираем мы, а возбуждает лично глава Следственного комитета.

В отношении трех судей мы [возбуждали](#) уголовные дела, сейчас [получено согласие](#) по четвертому. Только сегодня получил решение Высшей квалификационной коллегии. Будем эти материалы направлять в Следственный комитет — на возбуждение.

По истории, связанной с бывшим председателем одного из районных судов Татарстана, тоже была проявлена принципиальная позиция. Мы это дело не придавали огласке. По делу

находятся под стражей шестеро, в том числе племянник бывшего председателя суда и двое начальников налоговых инспекций. Фигурантами было организовано похищение предпринимателя, у которого путем мошенничества и фальсификации учредительных документов было похищено 79 млн рублей.

За согласием в ВККС по председателю суда мы не обращались. Теперь это вопрос наших коллег — в этом году дело с учетом сложности и резонанса было передано в третье следственное управление с дислокацией в Нижнем Новгороде. Теперь надзор за этим делом осуществляет Генеральная прокуратура РФ. На мой взгляд, доказательств там собрано достаточно. Кстати, сын этого судьи уже [отбывает](#) наказание за мошенничество. Так что в Татарстане интересно.

«Если будем покрывать своих — это породит безнаказанность»

— Можно ли считать сигналом обществу резкий рост уголовных дел против следователей?

— Да, шесть действующих и бывших сотрудников Следственного управления привлекаются к уголовной ответственности за совершение общеуголовных и коррупционных преступлений. Для нашего штата — это много. Но мы не можем расследовать дела в отношении прокурорских работников, сотрудников администраций, депутатов, судей, если сами не наводим порядок в своих рядах.

Для справки: В ближайшее время перед судом предстанет экс-руководитель Набережночелнинского отдела [Камиль Халиев](#). Под следствием — экс-руководитель Лениногорского МРСО [Алексей Иванов](#).

— После [решения суда](#) о восстановлении Халиева на службе сложилась парадоксальная ситуация, когда действующий следователь является еще и подсудимым...

— А мы могли его отстранить от работы только в рамках предварительного расследования. Сейчас дело уже в суде. Мы решение о его восстановлении будем обжаловать. В приказе об увольнении делался акцент на дискредитирующее основание — совершение проступка, порочащего честь Следственного комитета.

Ну а пока данный сотрудник [прикомандирован](#) к другому подразделению — расследовать дела ему не даем. Если кассационный суд в Самаре отменит решение, то следственные действия с его участием окажутся нелегитимными.

Фото: Ирина Плотникова

Мы решение о восстановлении Халиева (на фото) будем обжаловать. В приказе об увольнении делался акцент на дискредитирующее основание — совершение проступка, порочащего честь Следственного комитета

На всякий случай, обвинение Халиеву я предъявлял за своей подписью как действующему сотруднику, хотя на тот момент он уже был уволен. Если бы это сделал обычный следователь, то в нынешней ситуации это могло стать основанием для возврата дела судом. Так что будем с подсудимыми и защитой в правовом плане соревноваться. Халиев ведь здесь работает дольше меня, так что я в принципе даже доволен, что дело для рассмотрения ушло в Кировскую область.

Могу сказать — у него контракт заканчивается через год, и в Набережные Челны он уже не вернется. Для меня это существенно, автоград — восьмая часть Татарстана, там должен быть нормальный руководитель.

— А нет ли новостей по гражданину Турции, чье дело об изнасиловании в Челнах прекратили «за отсутствием события преступления»?

— Он убежал, объявлен в международный розыск. По другому эпизоду они (обвиняемые сотрудники СКР, — *прим. ред.*) [выводили из дела](#) родственника бывшего премьер-министра

республики, а в обвиняемые определили заведомо невиновного человека. Он полгода просидел под домашним арестом, и дело о гибели двоих человек на стройке прекратили за деятельным раскаянием. Ну как это объяснить с правовой точки зрения?!

Что касается Лениногорска — там по руководителю тоже дана принципиальная оценка. Иванов обвиняется в том, что взял 7 млн рублей. Алчность подвела.

— А как дела против «своих» отразились на работе коллектива?

— Считаю, что коллектив это воспринял с пониманием. К нашей подследственности относится расследование дел в отношении своих же сотрудников. Если мы будем их покрывать, то элемент доверия к нам будет утрачен. Это породит безнаказанность и еще больше усилит коррупцию.

«Здесь мощный костяк «важняков»

Тем сотрудникам, которые из Московской области, из Башкортостана поехали за мной сюда, я сразу сказал: «Узнаю о какой-то противоправной деятельности с вашей стороны — также жестко накажу». Не надо сюда ехать, чтобы зарабатывать здесь деньги (помимо зарплаты). Можете строить карьеру, но не набивать карманы. Соответственно, в приехавших я уверен.

— А сколько человек приехали?

— Тех, кого я приглашал — семеро, включая моих заместителей и руководителя 5-го отдела по расследованию особо важных дел (о налоговых преступлениях). Недавно приехали еще два общественных помощника с Мытищ, сами родом из Подмосковья. Они у меня в Мытищах еще студентами стажировались. Сейчас сдают документы, будут следователями.

Ребята-следователи, которые были назначены в территориальные отделы, поначалу вызывали у руководителей отделов опасения — будут плохо работать и заниматься сливом информации мне. А по факту на каждого из этих парней сейчас возложили большой объем работы и претензий к ним нет. Руководители отделов теперь не хотят с этими сотрудниками расставаться.

Фото: Максим Платонов

К нашей подследственности относится расследование дел в отношении своих же сотрудников. Если мы будем их покрывать, то элемент доверия к нам будет утрачен. Это породит безнаказанность и еще больше усилит коррупцию

— Но в Казани тоже было на кого опереться?

— Здесь в Татарстане — мощный костяк «важняков» (следователей по особо важным делам — прим. ред.), сильный коллектив, много грамотных сотрудников. Некоторые новеллы, используемые здесь, мне ранее были неизвестны. И я не стал исключать их из работы. Здесь раньше были сильные руководители — Киршин и Николаев. Сильное и хорошее управление сформировалось. Приятно было его возглавить.

«В Башкирии на местах началось байство»

— Менталитет национальных республик отличается от мест, где вы служили раньше?

— Я бы не сказал, что тут большая разница по сравнению с центральной Россией. Это мой

четвертый субъект. И Татарстан, и Башкортостан примерно схожи по этническому составу, структуре экономики, национальностям и количеству населения. Могу отметить только положительные черты: башкиры и татары — деятельные и трудолюбивые, эффективные специалисты. С ними приятно работать.

Татарстан обгоняет Башкирию по развитию экономики. Это видно по бюджетной политике, количеству предприятий. И Казань обогнала Уфу по благоустройству.

— А в криминальном плане?

— Здесь больше банд в свое время было. Их остатки мы сейчас добиваем. А так в криминальном плане — примерно одинаково. Но где больше бюджет — там больше хищений. При этом, исходя из статистики, получается, что тут чиновники умнее — шифруются лучше, красивее. Поэтому выявленных фактов хищений бюджета тут меньше, а привлеченных к уголовной ответственности спецсубъектов в Башкирии за год моей работы было вдвое больше, чем в Татарстане.

Но тут многое зависит еще от руководства республики. Если в Башкортостане и в Татарстане при Рахимове и Шаймиеве была примерно одинаковая ситуация, то при втором президенте в Башкирии уже были существенные просчеты в управленческой деятельности, и на местах началось байство. Все это в дальнейшем реализовалось в уголовные дела. А здесь — более строгая централизованная вертикаль власти. Поэтому чиновничьего порядка больше.

— Но с попытками телефонного права столкнулись?

— Это пресекается сразу, на корню. Вначале, наверное, непривычно людям было, а потом восприняли, как факт. Быстро прекратили. Я хожу на совещания в правительстве, у нас хорошее взаимодействие с руководством республики, с президентом. Конструктивно вопросы решаем.

У каждого — своя работа. Я здесь поставлен на то, чтобы чиновники не воровали. И мы на самом деле — помощники президента, а не оппоненты.

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

Башкирия, Сибайский карьер, 2019 год. Фото: из личного архива Валерия Липского

При втором президенте в Башкирии уже были существенные просчеты в управленческой деятельности, и на местах началось байство. Все это в дальнейшем реализовалось в уголовные дела

— А как оцениваете ситуацию с коррупцией в Татарстане в сравнении с Башкирией?

— Вопиющих фактов в Башкортостане было больше. Меня там поразила случай, когда решением Курултая перевели землю сельхозназначения в категорию земель населенных пунктов, при которой возможна застройка. А потом продают этот участок за несколько миллионов рублей, как сельскохозяйственный. Хотя решение о переводе уже есть. Ущерб бюджету — несколько миллиардов рублей!

В том же Башкортостане, как мы полагали, один председатель суда без проведения заседаний ставил печати на решениях по изъятию земли. И так совершались многомиллионные хищения госимущества. Недавно встречался с коллегой из Уфы — они завершили и направили в суд это дело.

О начале службы: «Каждый день как экзамен»

— Можете вспомнить свое первое дело? С какими сложностями пришлось столкнуться?

— Конечно, помню. Это был 1999 год. Я расследовал дело о воинских преступлениях неуставных взаимоотношениях, превышении должностных полномочий, нарушении правил несения караульной службы в гарнизоне Видяево. Там одни матросы-контрактники избивали других при несении вахты. По делу было четверо обвиняемых, несколько потерпевших и много свидетелей. Еще было противодействие со стороны адвокатов обвиняемых, а я в должной мере еще не владел тактикой расследования. Поэтому допускал много тактических просчетов, ошибок, не умел составлять процессуальные документы, подвергался критике со стороны коллег (*смеется*). Не знал даже, как правильно формировать уголовное дело.

В военной прокуратуре Северного флота, 2003 год. Фото: из личного архива Валерия Липского

— А как вам первое дело сразу с четырьмя фигурантами дали?

— Так получилось — был период летних отпусков. Потом уже прокурор сказал — надо было тебе их давать по одному. С четырьмя сложно — очные ставки, противоречия. Сейчас многие вещи воспринимаешь с юмором, а тогда не до веселья было. Теоретических знаний хватало, но практика, которая у нас была в военном университете, оказалась недостаточной. То, что опытный следователь сделает за час и правильно, я тогда мог сделать за сутки и неправильно. Но все четверо в итоге получили обвинительный приговор.

Первые полгода приходил на работу в 7 утра и уходил в 22 часа. Каждый день был как экзамен. Приходилось общаться с командованием воинских частей, ведь нужно было военнослужащих — свидетелей, потерпевших — отрывать от службы. Командиры воспринимали, как младшего по званию. Принимая за лейтенанта — выпускника военно-морского училища — на флоте даже команда есть: «Офицеры и лейтенанты, строиться!». Мне приходилось объяснять свои полномочия следователя, что в силу отсутствия опыта было

сложно. Но после первых трех дел стало проще. А уже после трех лет службы у меня не было ни одной переквалификации [обвинения в суде].

«У парнишки — рук нет, а его в СИЗО кипятком обливают»

— А какое дело было самым сложным в вашей практике следователя?

— Сложнее всего расследовать дела не чиновников-министров, а преступления своих коллег — сотрудников МВД. Вместе с ними ты раскрываешь убийства, они выявляют какие-то экономические, коррупционные преступления, но иногда приходится давать юридическую оценку их противоправным действиям.

В 2020 году мы привлекли к уголовной ответственности в Татарстане 50 сотрудников правоохранительных органов, в 2019-м таких было 29.

Помню, в городе Лобня расследовалось убийство подполковника РУБОПа и его супруги в начале 2000-х годов. Их застрелили в квартире. По этому делу обвинялись порядка шести подростков. Их делом занимался другой следователь, а мне, спустя 3 года передали уже заволокиченное дело в отношении неустановленных полицейских, которые избивали этих подростков, чтобы они признались. У этих потерпевших были зафиксированы многочисленные телесные повреждения — электротравмы, ссадины, переломы. И мне необходимо было разграничить — парни признались в двойном убийстве и действительно его совершили, либо признались в результате насилия?

Военная прокуратура Северного флота, 2003 год. Фото: из личного архива Валерия Липского.

— А приговор этим подросткам уже вынесли?

— На тот момент приговора не было. Суд вернул дело на доследование. Подростки были неблагополучные, большинство под стражей, и мне приходилось проводить опознание сотрудников полиции, доставляя их с воли в изолятор. Потерпевшие находились в «клетке», а кандидаты в подозреваемые — сотрудники полиции в форме — нет. И таких опознаний соответственно было проведено порядка 300. Ведь в раскрытии убийства участвовали около 40 полицейских, а опознание проводили с каждым из потерпевших подростков.

Из простых оперов эти люди успели вырасти. Один стал начальником пресс-службы по округу, другой — начальником отдела. Был среди них даже полковник. Соответственно, когда мне требовалось провести опознание — они прятались по году, болели. Тем не менее из этой толпы я смог вычленить троих, применявших насилие к подросткам.

И вот тогда было сложно — оперативного сопровождения не было ни со стороны МВД, ни со стороны ФСБ. Только все приходили и говорили: «А зачем тебе это надо?». И по факту мы это

преступление раскрывали вдвоем, вместе с прикомандированным следователем. Было очень сложно. Сторона потерпевших подключала СМИ, мне ставили ограниченные сроки расследования этого дела.

При этом потерпевшие сидят в СИЗО, кого-то уже этапировали за другие преступления. У одного парнишки рук нет — он пишет, держа ручку во рту. А его в СИЗО кипятком обливают, чтобы он в отказ пошел. И вот я с этим дефицитом доказательств пытаюсь работать. На них очень сильно давили и по изоляторам избивали их. Я писал письма во ФСИН, чтобы пресекали.

Нехорошая информация доходила и с другой стороны. Были опасения, что деньги могут мне подбросить, чтобы дискредитировать. Поэтому резко ограничил количество контактов, был излишне подозрителен, зато нормально себя сберег. А дело по полицейским ушло в суд. Двое получили условные сроки, один умер в ходе процесса.

— Так подростки убивали или нет?

— По ним тоже был обвинительный приговор, но не в отношении всех шестерых. Мотив установили корыстный. Просто то дело дали неопытному следователю, он очень плохо закрепился с доказательствами, а потом, когда нужно было что-то фиксировать — у всех подростков уже была выстроена линия защиты, были адвокаты и законные представители — родители. Так что, когда я свое дело расследовал, нужно было и это не развалить.

Причем, пафос в том, что двое этих сотрудников с условными сроками продолжили работу в УВД Мытищ. И только когда меня в 2016 году в Мытищи назначили руководителем следственного отдела, их наконец уволили. Незадолго до моего прибытия. До этого я работал в Истре.

— А сейчас подобное происходит?

— Сейчас такого нет. Я честно скажу — сотрудники полиции для того, чтобы раскрыть преступление, насилия в основном уже не применяют. По большей части сейчас идет игра интеллектов.

О перспективах уголовного преследования Роберта Мусина, оправдательных приговорах и «лихих 90-х» Валерия Липского — читайте во второй части интервью в ближайшее время. Продолжение следует.

Беседовала Ирина Плотникова

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

21 Апреля 2021